

3. // Азербайджан. – 1986. - № 12.
 4. Ибрагимов, И. Сеет семена добра // Литературный Азербайджан. – 1986. - № 10.
 5. Шихлы, И. Крепить связи с жизнью народа // Литературный Азербайджан. – 19. - № 11.
 6. Салманов, Ш. Решать неоткладывая // Литературный Азербайджан. – 1987. - № 11.
 7. Salmanoğlu, Ş. Sosialist realizmi müasir mərhələdə. – Bakı: "Elm", 1988.
 8. Qarayev, Y. Meyar - Şəxsiyyətdir. – Bə: "Yazıçı", 1988.
 Статья поступила в редакцию 22.10.10

УДК 81`42

Н. В. Мельник, докторант КемГУ, г. Кемерово, E-mail: saikova@mail.ru

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

В работе на основании отношения переводчика к форме и содержанию выявляются четыре модели поведения переводчика, приводящие к сохранению или устранению повтора в тексте в силу объективных или субъективных причин.

Ключевые слова: деривация, повтор, модель поведения переводчика.

Исследование одного языка с помощью его сопоставления с другим находится в русле давней традиции изучения языков, связанной с известными работами Ш. Балли [1], Л. В. Щербы [2], В.Г. Гака [3].

В выбранном нами аспекте сопоставление языков рассматривается не как цель, а как средство, как метод исследования, так как «сопоставление позволяет иногда выявить некоторые особенности иностранного и родного языков, ускользающие при его «внутреннем» изучении» [4], «при сопоставлении лексических единиц двух языков совершенствуются наши знания каждого из этих языков в отдельности, так как многие специфические особенности языка эксплицируются только при сравнении» [5, с. 4]. Это подтверждается тем, что «наше внимание приковано к тому, что изменяется, в гораздо большей степени, чем к тому, что остается прежним» [6, с. 4]. Все это подводит к выделению такого подхода в лингвистических исследованиях, когда данные двух языковых/речевых систем рассматриваются не как сравниваемые, сопоставляемые друг с другом, а как единая языко-речевая материя. Это та текучая, открытая и непрерывная среда, которую изучает лингвистика языкового существования [7].

Любая языковая единица: слово, предложение, текст – обладает потенциалом деривационного развития, детерминанты реализации которого заложены в самой языко-речевой материи, содержащей потенциальную саморазвития. Деривационный потенциал языковых единиц может быть реализован множеством способов, и это разнообразие, варьирование является неотъемлемым онтологическим свойством языка как системы. Однако выбор пути реализации в речи-тексте деривационного потенциала единиц зависит в том числе и от языковой личности, от индивидуально-типологических качеств ее языковой способности. Все это позволяет поставить проблему соотношения вторичного текста и языковой личности переводчика.

В качестве критерия дифференциации языковой личности выбрано отношение переводчика к лексико-деривационным рядам, представляющим собой «последовательность однокоренных или одноаффиксных слов (в том числе «чистых» повторов), пересекающих дискретное текстовое пространство (контекст)» [8, с. 96].

Проблемы часто возникают при переводе случаев явной тавтологии, которую многие стремятся преодолеть. С практической точки зрения, интересна рефлексия переводчика,

столкнувшегося с необходимостью перевода текстов с повторами, например, в произведениях Л. Н. Толстого. При установке на их устранение получается совсем другой текст, «все смыслообразующие средства в нем сняты, причем как раз за счет этой правильности и нормированности. Очень культурная переводчица подредактировала по собственному разумению «этого неумеху Толстого», однако ее культурность очень сильно выпячивает полное отсутствие понимания» [9, с. 71]. С. Флорин в связи с этим замечает, что «задача переводчика не пересказывать на свой привычный лад написанное автором, а передать по мере возможности не только мысль, описание, образы и прочее, но и его личную манеру, стиль, сохраняя в то же время и разные совсем обычные приемы, одни – во имя художественности текста, другие – во имя улучшения, непереколлапачивания: не беда, если в прекрасном колпаке найдется немало неровных стезей» [10, с. 170]. Руководствуясь этим, С. Флорин сохраняет при переводе Элина Пелина встретившиеся повторы для того, чтобы не поправлять оригинал, но он же замечает, что от тавтологии иногда можно и уйти, так как «автору прощают, а переводчика ругают» [10, с. 171].

Разрабатывая нашу методику исследования, мы предполагаем, что переводчик в своей деятельности стремится передать все коммуникативно значимые элементы, поэтому из всех имеющихся в арсенале языковых средств выбирает именно те, которые способны вступить в формально-семантическое взаимодействие. При этом реакция переводчика обусловлена объективными (заложенными в языке и тексте) и субъективными (зависящими от установки автора и самого переводчика) причинами. Деятельность переводчика определяют те же закономерности, которые касаются речевой деятельности вообще. Сопоставление исходного и вторичного текстов позволяет реконструировать процесс порождения-восприятия-понимания (ср. возможность интерпретации процессов речемыслительной деятельности при переводе как зеркального отображения создания оригинала, в результате чего возникает один из видов вторичных текстов) и проследить механизм детерминации внутритекстовых и межтекстовых компонентов.

Исследуя проблему взаимодействия слова, текста и языковой личности, мы ставим перед собой задачу доказать функциональность лексико-деривационного ряда (ЛДР), его значимость для адекватного восприятия текста, для этого мы используем аспект межязыковой эквивалентности, прояв-

ляющейся при переводе. При этом мы рассматриваем один язык «в зеркале» другого и обращаемся к языковому сознанию, языковому «чутью» переводчика (как «первого» воспринимающего текст) для обоснования функциональности ЛДР. «Чутье» языка, по И. А. Бодуэну де Куртенэ, «не есть какая-то выдумка, не есть какой-то субъективный самообман, но факт действительный и вполне объективный» [11, с. 22]. К тому же многие исследователи отмечают «обострение «языкового чутья», что всегда происходит при пристальном и долговременном изучении чужих языков» [12, с. 10]. Поэтому языковое сознание переводчика как сознание, обладающее высокой лингвистической культурой и эстетическим чувством (характеризующимся вниманием к форме), будет стремиться к отражению при переводе всех значимых единиц.

«Область изучения пересечения формы и содержания, «рельеф» и объем этой области имеют индивидуальные особенности для каждой языковой единицы, каждого языкового явления, каждого языка и универсальные черты, присущие этим единицам, явлениям, языкам» [13, с. 6–7]. Но индивидуальное и универсальное есть и у функционирования, реализации того или иного явления в тексте, в отношении к нему носителей языка, особенно тех, языковое сознание которых в силу объективных и субъективных причин является более восприимчивым, то есть переводчиков. Это позволяет использовать компетенцию двуязычного индивида как критерий эквивалентности межъязыковых отношений [14, с. 60].

Мы опираемся на межъязыковую эквивалентность (проявляющуюся при переводе) как на реально существующую данность и считаем, что «извлекаемые из множества переводов данные о системе переводческих отношений между единицами двух языков могут быть столь же объективны, как и сведения о системе любого языка, извлекаемые из совокупности индивидуальных речевых произведений» [15, с. 24].

В качестве материала используется сплошная выборка ЛДР из прозаического художественного текста М. Цветаевой «Наталья Гончарова (Жизнь и творчество)» как текста, в котором слово реализует заложенный в нем потенциал деривационного развития, и его перевод на немецкий язык [16]. Выбор источника обусловлен вниманием М. Цветаевой к функционированию производного слова в тексте, особым отношением к использованию его внутренней формы.

Анализ материала позволил говорить о реализации двух переводческих стратегий: семасиологической и ономасиологической. Перевод – деривация означаемого исходного текста, которое оказывается неизменно связанным с означающим, но все же находится с ним в отношениях асимметрии, хотя и при примате означаемого. Но в тексте, возникшем в результате реализации семасиологической стратегии, помимо семантической детерминации макроозначающего, действует и механизм формально-семантической его детерминации. В тексте – результате действия ономасиологической стратегии, смысловой континуум членится произвольно, следствием чего являются многочисленные внутри- и межпредложенческие трансформации на лексико-грамматическом уровне. Это обстоятельство позволяет говорить о семантической детерминации исходным текстом текста перевода при отсутствии его формально-семантической обусловленности.

Первая стратегия опирается на форму и содержание оригинала, стремясь к сохранению того и другого во вторичном тексте (к сохранению лексики, синтаксиса и т. д., в том числе и повторов – ЛДР). Вторая опирается прежде всего на общий смысл текста, реализуя его с помощью языковых средств,

наиболее (с точки зрения автора вторичного текста) этому способствующих. Семантические компоненты находят свое воплощение в новом лексическом оформлении, при этом повновому комбинируясь, что часто приводит к устранению повтора.

При анализе деривационного функционирования слова в аспекте межъязыковой эквивалентности важно отметить характер отражения или устранения ЛДР при переводе: была ли объективная возможность при неотражении ЛДР его фиксации или нет (фактор языка); при отражении ЛДР важно учесть, были ли варианты перевода, когда переводчик из всех возможных синонимов мог выбрать именно те, которые вступают в деривационные отношения (фактор переводчика) или языковые средства ограничивают выбор (фактор языка). Анализ материала показал, что существует некоторая зависимость отражения или неотражения при переводе ЛДР от объективных (заложенных в языке и тексте) и субъективных (зависящих от установки автора и переводчика) причин. В ходе исследования были выявлены детерминанты деривационного функционирования слова в тексте, восходящие к общеязыковым антиномиям *форма – содержание, объективное – субъективное, системное – текстовое*. Их влияние предопределяется в четырех моделях поведения переводчика.

1. Объективное отражение

Данный тип, соответствующий семасиологической стратегии построения текста, мало способствует достижению поставленной цели – доказать функциональность ЛДР, так как не позволяет судить о том, замечает ли переводчик значимость ЛДР, релевантен ли данный факт для адекватного восприятия текста, так как переводчик в любом случае «вынужден» его воспроизвести. Единственным подтверждением функциональности ЛДР данной группы является отсутствие прономинализации (замены местоимением). Поэтому сам факт сохранения повтора все же подчеркивает их значимость. Повтор фиксируется как единственно возможный в данной ситуации вариант:

Ибо море здесь, как единица меры (безмерности)
(М. Цветаева).

Denn das Meer ist hier, als Einheit von Mass (von Masslosigkeit)
(М. Zvetseva).

Язык не располагает средствами для замены одного из членов ряда на неоднокорневой синоним.

2. Субъективное отражение

Показателен сам факт отражения при переводе ЛДР, когда имеются различные варианты, позволяющие его избежать. Это означает, что переводчик (сознательно или интуитивно) из всего языкового арсенала выбирает именно те лексемы, повтор которых возможен в данном контексте. Поэтому данные, полученные именно при анализе данного типа, несут основную информацию о функциональности ЛДР в тексте. Эта модель также соответствует семасиологической стратегии текстопорождения, но если в предыдущей группе решающую роль играл фактор языка, то здесь основное значение принадлежит фактору переводчика, апелляция к языковому сознанию которого используется нами как средство доказательства актуальности для восприятия ЛДР.

Анализ данного типа позволяет абстрагироваться от объективного различия языковых систем, являющегося барьером для перевода ЛДР, и акцентирует наше внимание на том, что повтор передается благодаря фактору переводчика:

*Не **попасть** мне нынче к Гончаровой, а самой **пропасть***
(М. Цветаева).

Zu Gontscharowa komme ich heute nicht mehr hin, und ich selber komme um (M. Zvetaeva).

Из синонимических рядов *nonacht - hingeraten, gelangen, hinkommen, проnacht - zugrunde gehen, umkommen, kaputtgehen, futsch sein, hinsein, verlorengelangen* выбраны лексемы, которые вступают в деривационные отношения. Объективно можно было избежать повтора, но переводчик его сохраняет.

Показательно поведение переводчика в ситуации, когда в системе средств языка нет «готовых» единиц, способных реализовать потенциал деривационного функционирования, и на смену воспроизводства/производства ЛДР приходит его производство в чистом виде:

Тяга Пушкина к Гончаровой, которую он сам, может быть, почел бы за навязчивое сладострастие и достоверно («огончарован») считал за чары, – тяга гения... (M. Цветаева).

Puschkins Hang zu Gontscharowa, den er selbst vielleicht – als unablässige Lüsterheit erachtete und allen Glaubens (gontscharowanisiert) für Zauber hielt, – ist der Hang des Genies ... (M. Zvetaeva).

В тексте оригинала слово *огончарован* вступает параллельно в деривационные отношения с двумя лексемами – *Гончарова* и *чары*. Кроме того, используется не словарная единица, а авторское образование, передать это на другой язык крайне затруднительно. Переводчик находит компромиссное решение, создавая по имеющейся в немецком языке словообразовательной модели новое слово и поясняя в примечании, что при устранении слога *-гон-* в слове «огончарован» получается *очарован (verzaubert)*. В результате эпидигма *Гончарова – «огончарован»* отражается при переводе, а связь между членами пары «огончарован» – *чары* подсказывается в примечании.

3. Объективное неотражение

При реализации данной модели текст строится по ономаσιологическому принципу, но необходимость устранить повтор диктуется особенностями системы языка перевода:

Пушкин, как мужчина, знавший много женщин, не мог не знать о Гончаровой (M. Цветаева).

Puschkin, als Mann, der viele Frauen kannte, musste unbedingt mehr über Gontscharowa wissen (M. Zvetaeva).

В немецком языке есть два глагола – *wissen* («знать что-л. о ком-л., о чем-л.») и *kennen* («знать кого-л., что-л.»). Различия в семантической структуре поля в русском и немецком языках приводят к устранению ЛДР при переводе.

Так и большевики веселились, а мы боялись, так и большевики веселятся, а дети... (M. Цветаева).

So haben sich auch die Bolschewiki vergnügt, während wir uns fürchteten, so vergnügen auch die Grossen, während die Kinder... (M. Zvetaeva).

Займствование *der Bolschewik* занимает обособленное положение в системе языка и не может вступать в лексико-деривационные отношения с единицами немецкого языка. Таким образом, причины устранения ЛДР заложены в различии языков, поэтому неотражение ЛДР – не всегда результат игнорирования его значимости.

4. Субъективное неотражение

Иногда ЛДР не воспроизводится при переводе, несмотря на то, что объективные условия для его фиксации есть. Это дает основание говорить о роли фактора переводчика, который в силу субъективных причин пытается избежать повтора различными средствами: с помощью синонимов, опущения повторов, прономинализации, замены словом с более широкой или узким значением.

Ветер – живет, может ли ветер жить (M. Цветаева).

Der Wind wohnt, kann er denn wohnen (M. Zvetaeva).

Причины устранения ЛДР в переводе (прономинализации) установить сложно. С одной стороны, то, что переводчик не отражает повтор, может свидетельствовать об оценке его как незначимого. С другой стороны, стремление избежать повтора (вследствие, например, установки устранить тавтологию – не менее яркое проявление его функциональности, иное дело, что доказать это, опираясь только на текстовые данные, невозможно.

К тому же, часто несмотря на то, что ЛДР отражается при переводе, нельзя говорить о его равноценности:

Голая красота, разящая как меч. И – сразила (M. Цветаева).

Blosse Schönheit, tödlich scharfe Klinge. Und sie hat getötet (M. Zvetaeva).

Формально ЛДР при переводе сохраняется, но нет той актуализации, которая присутствует в тексте оригинала. Это происходит из-за различия в семантической структуре глаголов. (*Сразить - 1) убить, 2) поразить (красотой) перен.*)

Такой тип поведения переводчика соответствует ономаσιологической модели построения вторичного текста. Субъективное неотражение повтора, когда переводчик сознательно или интуитивно его устраняет при объективной возможности передачи, не является свидетельством абсолютной нефункциональности ряда, так как сам факт устранения повтора с целью, например, избежать тавтологии является значимым, но мы не имеем возможности зафиксировать функциональность ряда по текстовым показателям. Это может быть результатом семасиологической стратегии текствосприятия, но ономаσιологической стратегии текстопорождения.

В результате можно увидеть соотношение переводческих стратегий и моделей его поведения. Семасиологическая и ономаσιологическая стратегии построения вторичного текста являются результатом различного соотношения означающего и означаемого под влиянием двух факторов: субъективного и/или объективного. Тексты, построенные по семасиологической модели, тяготеют к полюсу «объективное» и представляют собой тождественное исходному тексту соотношение означающего и означаемого. Тексты, созданные по ономаσιологической модели, тяготеют к полюсу «субъективное» и представляют собой новый тип соотношения означающего и означаемого, не детерминированного формой исходного текста. В этом кроется сложный механизм взаимодействия слова, текста и языковой личности.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки России 16.740.11.0424 "Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование".

Библиографический список

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: ИИЛ, 1955.
2. Щерба, Л.В. К вопросу о распространении в СССР знания иностранных языков и о состоянии филологического образования // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Т. 1.

3. Гак, В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1989. – Вып. XXV.
4. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: Просвещение, 1983.
5. Пинягин, Ю.Н. Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексики // Переводческие аспекты сопоставительных исследований. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988.
6. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
7. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: «Новое литературное обозрение», 1996.
8. Голев, Н.Д. Деривационное развитие слова в русском тексте (на материале лексико-деривационного поля слова «перестройка») // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
9. Галеева, Н.Л. Основы деятельностной теории перевода. – Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1997.
10. Флорин, С. Муки переводческие: Практика перевода Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2.
11. Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высш. шк., 1978.
12. Плотников, Б.А. О форме и содержании в языке. – М.: Высш. шк., 1989.
13. Которова, Е.Г. Понятие межязыковой эквивалентности в семантических теориях. – Томск: Изд-во Томского гос. педуниверситета, 1997.
14. Комиссаров, В.Н. Перевод как лингвистический источник / В.Н. Комиссаров, Г.Я. Туровер // Тетради переводчика. – М.: «Международные отношения», 1975. – Вып. XII.
15. Zwetaewa, Marina. Gedichte. Prosa (russisch und deutsch) / Marina Zwetaewa. Aus dem Russischen Herausgegeben von Fritz Mierau. – Reclam-Verlag Leipzig, 1990.

Статья поступила в редакцию 10.11.10

УДК 82.091

Д.Н. Жаткин, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой ПГТА, г. Пенза; А.А. Рябова, канд. филол. наук, доц. ПГТА, г. Пенза, E-mail: ivb40@yandex.ru

Е.Ф.КОРШ КАК ИНТЕРПРЕТАТОР ТВОРЧЕСТВА ВИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ «ФЕЛИЦИЯ ГИМЕНС И ВИЛЛИАМ ВОРДСВОРТ» И ПЕРЕВОДА БАЛЛАДЫ «НАС СЕМЕРО»)*

В статье впервые исследуется деятельность Е.Ф.Корша как русского интерпретатора литературного творчества Вильяма Вордсворта, подробно анализируются публикации Е.Ф.Корша в «Библиотеке для чтения» за 1835 г. – статья «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт» и поэтический перевод знаменитой вордсвортовской баллады «We are Seven» («Нас семеро», 1798). При рассмотрении статьи «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт» внимание уделяется не только особенностям восприятия Е.Ф.Коршем личности и творчества английского поэта «озерной школы», причин трансформации его художественного мира, но и подробному анализу вошедших в статью прозаических подстрочников вордсвортовских текстов, в частности, фрагментов стихотворений «To my Sister» («Моей сестре», 1798), «Ode: Intimations of Immortality» («Ода: признаки бессмертия», 1804, опубл. в 1807 г.), а также полного текста стихотворения «Lines Suggested by a Portrait from the Pencil of F.Stone» («Строки, вызванные портретом работы Ф.Стоуна», 1834, опубл. в 1835). Также отмечена значимость для Е.Ф.Корша многих характерных художественных деталей поэтических описаний Вордсворта, свидетельствовавших о стремлении творца к слиянию с природным миром. Перевод Е.Ф.Коршем баллады Вордсворта «We are Seven» рассмотрен в сопоставлении с другими переводами этого произведения, осуществленными в 1830 – 1840-х гг. И.И.Козловым и Я.К.Гротом, отмечается общее стремление всех переводчиков адаптировать оригинальное произведение английского автора к российской действительности, однако при этом предпочтение отдается переводу И.И.Козлова, максимально полно передающему внутреннюю атмосферу английского подлинника, в то время как перевод Корша характеризуется наличием произвольно добавленных художественных деталей, чуждых духу первоисточника. Разграниченная во времени подготовка и публикация Е.Ф.Коршем статьи и перевода свидетельствует о том, что интерес русского литератора к творческой деятельности английского современника не был одномоментным, сохранялся в рамках определенного, пусть и непродолжительного временного интервала.

Ключевые слова: В.Вордсворт, русско-английские литературные связи, литературная критика, английский романтизм, поэзия, баллада, поэтический перевод, традиция, компаративистика.

Одна из первых статей о Вильяме Вордсворте, опубликованных в России, принадлежит перу Евгения Федоровича Корша. Хорошо владея английским, немецким и французским языками, он в 1829 – 1832 гг. работал переводчиком на Кронштадтской таможне, а с 1832 по 1835 г. занимал должность секретаря генерала-гидрографа Главного морского штаба. Начиная с 1834 г. Е.Ф.Корш публиковался под псевдонимом Е.К. в журнале «Библиотека для чтения», издававшемся О.И.Сенковским, где в XII томе за 1835 г. и увидела свет его статья «Фелиция Гименс и Виллиам Вордсворт». И.Ф. Масанов, атрибутировавший в своем словаре псевдоним Е.К. [1, с. 359], указывал также, что составителями тома «Литературного наследия», посвященного И.-В.Гете, псевдоним и пуб-

ликации под ним в «Библиотеке для чтения» ошибочно приписывались Елизавете Алексеевне Карлгоф-Драшусовой [2, с. 1001 – 1002], имевшей публикации за подписью Е.К. в «Современнике» за 1844 г. [1, с. 358].

В качестве эпиграфа для своей статьи, написанной в связи с кончиной Фелиции Гименс и выходом нового поэтического сборника Вильяма Вордсворта «Yarrow Revisited, and Other Poems» («Снова в Ярроу и другие стихотворения», 1835), Корш избрал слова С.-Т.Кольриджа «Когда Вордсворт и Гименс умрут, в тот самый день будут похороны английской поэзии» [3, с. 162], призванные отразить общий упадок британской литературы, вызванный не только кончинами ведущих авторов – П.-Б.Шелли, Дж.-Г.Байрона, Дж.Крабба,